«Для мэрии это управленческий прорыв»

Текущая реконструкция центра столицы воспринимается многими жителями московского правительства как череда землетрясений. Где произойдет новый удар, жители узнают, как правило, по факту. Но расписание “землетрясений” знают инсайдеры. Крупный подрядчик московских властей, специалист в области градостроительства рассказывает о логике, стоящей за градостроительной политикой собянинской администрации.

Сергей Собянин и Москва урбанистская

Мэр Москвы Сергей Собянин считает Москву городом, в котором человеку плохо. По генеральному плану развития Москвы, объясняет он, был создан город под танки. Мы сделаем по-другому!

Особенно глубоко отторжение наследия эпохи Юрия Михайловича Лужкова. Архитекторы отечественной школы такого натворили в этот период, что говорить с ними не о чем. Никаких контактов, небесполезных для города, у него с ними нет.

Вместе с тем мэр Собянин удивительно расширил свое присутствие в городе. Мы видели отражение мэра Лужкова в «лице города» на 3%. А отражение Собянина – на 30%. Дорога, тротуар, покрытие – это все Собянин. И фонари над головой – Собянин, и плитка под ногами и стены он покрасил.

Мэр Собянин обратил свой взгляд на мировые тренды. При нем произошла смена парадигмы развития Москвы. С градостроительства и архитектуры – на урбанистику. Отчасти это европейский процесс. Но в другой части – выражение глубокого недоверия мэра к отечественной школе и ее специалистам.

На Сергея Собянина особенно повлиял Ян Гейл – международно известный скандинавский урбанист, знаменитый и как пропагандист велосипедного движения. Ян Гейл два года состоял советником при Департаменте транспорта. Сергей Семенович искренне полюбил Яна Гейла и поверил в него.

В Хельсинки люди зимой ездят на велосипедах. Ян Гейл был уверен, что и у нас зимой поедут, а Сергей Семенович эту идею поддержал. Москва пыталась сделать связанную сеть велосипедных дорожек по всему центру. Этого не получилось. А в морозы люди ездить на велосипедах не отважились. Велодорожки во многих местах закрывают.

Главным «урбанистом» в Москве де-факто является Петр Павлович Бирюков, вице-мэр, отвечающий за городское хозяйство. Но и Сергей Семенович урбанист. Эволюция в нем за 6 лет произошла такая. В начале общения с урбанистами Сергей Семенович больше слушал и спрашивал. Сейчас он больше сам рассказывает. А профессионалы слушают.

При Сергее Собянине принята программа реконструкции центра Москвы. В ней исторический центр и городская среда – предмет первоочередной заботы. Это принципиальное отличие от Юрия Михайловича Лужкова. Это большой «плюс».

Но за пределами центра, историческая среда уничтожается, бесконечная массовая застройка продолжается, только в еще больших масштабах. Нет планов благоустройства хотя бы улицы за пределами исторического центра, не то что района.

Для них выполнены прекрасные проекты с реками, созданием парковой среды. Лучше, чем в пригородах Парижа. Они великолепны – но реконструкции не выйти за пределы Садового кольца.

Царя трудно убедить стать профессионалом. Поэтому ответственность и за плюсы, и за минусы вся ложится на мэра. Кто воспринимает Собянина как тяжелый режим, так и будут его воспринимать, пока режим не исчезнет.

Центр Москвы в реконструктивный период

До 2014 года Москва не имела стандарта благоустройства. Эта отрасль городского хозяйства оставалась совершенно неразвитой. Механизм проектирования московских площадей и улиц был устроен так.

Петр Павлович Бирюков сидел за рабочим столом и листал иллюстрированные альбомы: «Великие улицы мира», «Лучшие улицы мира». Москва не должна уступать лучшим образцам городского зодчества. Когда решение приходило, Петр Павлович приглашал, открывал, показывал иллюстрации и говорил: «А давайте сделаем вот так!».

Проектная и нормативная документация находилась в рудиментарном состоянии. Как с точки зрения качества, так и с точки зрения количества. К 2016 году (началу программы реконструкции центра), в сфере благоустройства уже действовали обязательные стандарты для подрядчиков.

Но технологического стандарта по инженерным коммуникациям нет до сих пор. Хотя им профессионально занимаются те же люди, что и 5 лет назад. Только уже с другими фирмами.

Реконструкция могла бы пройти спокойнее. Если бы мэрия заранее объяснила свои планы тем москвичам, которые внимательно относятся к своему городу и переменам в нем. С декабря 2015 года мэрия поставила вопрос, как донести до жителей предстоящую реконструкцию.

Была идея подать реконструкцию от партия «Единая Россия». Поняв, что последствия для партии не обязательно будут благотворными, мэрия приняла решение действовать напрямую, без посредников в лице лидеров мнений или прессы.

Обращаться прямо к людям. Напечатали порядка 3 млн флаеров. Их повсюду раздавали жителям. На каждом подъезде вывешивали

объяснение, что у нас на улице происходит, какие деревья будут высажены. Пошла массовая работа. Но получилось так, что с думающей частью общества отдельно поговорить забыли.

И через 2-3 месяца этой кампании, когда все уже было разрыто, я обнаружил, что даже мои ближайшие друзья не понимают, что и зачем происходит. По моим наблюдениям, поддерживала это примерно десятая часть людей. А остальные находились в крайнем раздражении. Негативная реакция запустилась по классической циркуляции. Сначала был поднят финансовый вопрос, потом возникло возмущение «А почему нас не спросили».

Гарантий сохранности результатов реконструкции нет. В 2016 году сделали половину Садового кольца, в 2017 – сделают вторую. Остальное держится на честном слове. Есть распоряжение Собянина три года не трогать то, что сделано.

А если тронут? Например – забита ливневка, и улицу разбирают. Подрядчики, плохо выполнившие работы, должны компенсировать расходы. Но как этого добиться, неизвестно, таких механизмов не существует.

«Красота» часто предпочитается удобству. Есть в благоустройстве технологии покрытия, абсорбирующие углекислоту. Так что воздух становится лучше. У нас вместо этого идет гранит. Покрытия абсорбируют, но выглядит не очень. А наш гранит не абсорбирует, зато выглядит красиво.

В целом технологии в Москве применяются самые простые. Единственный технологический «прорыв» – убираются провода сверху. Кроме того, параллельно с реконструкцией улиц департамент информационных технологий ведет реконструкцию компьютерных сетей, кладут оптоволокно.

С неуправляемыми подрядчиками сдвиги есть, но небольшие. В 2016 совершен, по московским меркам, управленческий прорыв. Мэрия утвердила московский классический фонарь из музея «Огни Москвы» как образец для всего центра. Больше не может любой подрядчик сделать фонари, как хочет. Для Москвы это уже

достижение.

Электроначинка в фонаре утверждена — энергосберегающий свет. Здесь тоже достигнуто единообразие. Влиятельная компания в качестве подрядчика закупает, например, миллион лампочек. И потом надо их обязательно внедрить. Это большие финансовые интересы, и они сложные.

Траты на благоустройство в масштабах экономики Москвы — копейки. В Москве остается масса нерешенных социальных проблем. И вот в период кризиса — такие инвестиции по переустройству улиц. Сумма могла быть и больше, но вместо 4000 московских улиц решили ограничиться центром.

Еще при обсуждении программы ставился вопрос о ее целесообразности. Программа реконструкции больниц в центре на социальный эффект, возможно, сработает лучше. Ответ заключался в том, что бюджет Москвы — 1,7 трлн руб. Больше 50% этой суммы — социальная часть. А на благоустройство в год тратится всего 20 миллиардов. Это только 1%, вкинь эти деньги в медицину, они растворятся.

Гранит это дорого, на центр идет самая дорогая комплектация, и выглядит это вызывающе. Но в абсолютных цифрах для Москвы такая программа — действительно небольшие деньги.

За Садовым Москва кончается

Центр — витрина. Спальные районы забыты в истории. Центр Москвы не так плох, если сравнивать со спальными районами. Они заброшены историей. В Чертаново, Бирюлево большие куски не изменились с брежневских времен. Пойдет ли реконструкция в глубину? Сильно в этом сомневаюсь.

Градостроительная политика выстроена в логике выбора: «Или центр, или спальные районы». Логика чиновников такова.

1. **Аргумент от «общего интереса».** Спальный район у каждого

свой, а центр – общий. Да, действительно, 60% жителей спальных районов из них не выезжают и в центре не бывают. Но они же не все живут, скажем, в Марьино. Кто в Бирюлево, кто в Южном Измайлова. Один район отделаем, а другие останутся в том же состоянии. В центр же приезжают 40%, а в выходные и побольше. Лучше сделать то, что будет служить всем москвичам.

2. **Аргумент от «видимой отдачи».** Центр дает «картинку», а спальные районы – никто не видит (кроме их никому не ведомых жителей). Это так, даже берлинский, французский опыт – дополнительная артикуляция модернистских идей, заложенных в эти кварталы. Озеленение – так гиперпарк. Комфортно. Но не «прекрасно». Стало быть, отдачи меньше.
3. **Аргумент от «80 лет реконструкции».** Сколько времени займет реконструкция всей Москвы: не только в центре, но и за Садовым кольцом? В Москве 4000 улиц. Темпы Департамента капремонта – 50 улиц в год. Это значит, программа должна рассчитываться на 80 лет. Нынешняя волна благоустройства явно схлынет раньше.

Растущие стройки в «Большой Москве» и области – бесконтрольны. Центр Москвы – центр и для жителей «Большой Москвы», и для жителей Реутова или Нахабино. Нагрузка на исторический центр будет увеличиваться.

Москвичи называют проект «Большой Москвы» странным. Это не так. Все объяснит калькулятор. На этих площадях строят 5 миллионов квадратных метров. Умножьте 5 млн кв. м на $1000, и вы поймете, зачем он затевался. Стройка продолжается и будет продолжаться.

Между Москвой и Московской областью нет координации в области градостроительной политики. Неформальные связи поддерживают занятые в «больших стройках» профессионалы. Но их коммуникация не встречает у власти никакой поддержки. Заставить областных и московских девелоперов держаться общих правил, чтобы хотя бы

откровенно не портить людям жизнь, невозможно. Поскольку нет самих правил.

Сергею Семеновичу предлагали создать рамочный документ. Хотя бы понимать, где и что нарушается. Он ответил: «Область не начинает этот процесс, почему я должен? Истолкуют так, что я хочу распространить свою власть на область». Ровно та же позиция у губернатора Воробьева.

С градостроительных позиций было бы логично создать единый субъект. Но тут в игру вступают политические позиции. Субъект федерации окажется несравнимо богаче и больше, чем другие регионы России.